

Секция «Политология и социология политических процессов»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ

Протасеня Евгения Андреевна

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: eugenniepro@gmail.com

Обращение к исторической памяти становится наиболее актуальным в кризисные и переломные моменты общественно-политической жизни общества. Стоит отметить, что именно в такие периоды становится все более острым и вопрос идентификации, потребности человека «найти себя», отождествляя себя с той или иной общностью. В переломные моменты зачастую возникает идентификационный кризис и возникает запрос на создание ориентиров, в том числе базирующиеся и на прошлом опыте. Стоит отметить, что историческая память играет важнейшую роль в позиционировании индивида как гражданина страны, представителя того или иного народа. Помимо этого рассматриваемая нами форма памяти имеет функцию объяснения современных событий и упорядочивания настоящего. Мы бы хотели рассмотреть, какую роль память об истории играет в процессе идентификации и в условиях кризиса идентичности.

Историческая память представляет собой выражение процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны и государства, которое может быть актуализировано и использовано для влияния на общественное сознание. Она обладает избирательностью и определенной неполнотой, и в то же время - особенностью удерживать в сознании общества основные события прошлого [5]. Также стоит отметить, что историческая память хранит в себе не только события, информацию о деятелях, но и их оценку. В этой форме памяти также сосредоточены образы, образцы из прошлого и традиции.

В.А. Ачкасов пишет, что формирование идентичности (идентификация) является процессом эмоционального, а также и иного отождествления индивида, социальной группы с другим человеком, группой или неким образцом, освоения социальных ролей, интериоризации занимаемых социальных статусов. Формирование идентичности и ее реализация включены в механизм социализации [1]. Для индивида в процессе социализации характерно формирование целого комплекса идентичностей, посредством которых он дает себе ответ на вопрос «кто я».

А.Г. Васильев подчеркивает, что идентичность включена в память и идентификация, т.е. процесс формирования идентичности, является одной из основных функций коллективной (исторической) памяти. Поэтому манипулируя памятью, трансформируя, изменяя ее, мы оказываем непосредственное воздействие на идентификацию [2]. Стоит подчеркнуть, что официальная история, ее интерпретация, подвергается время от времени внесению корректив. Это способно оказать серьезное влияние на связи между поколениями, и даже спровоцировать их существенное ослабление.

В условиях современных реалий, а также под влиянием глобализации у индивидов формируется целый комплекс идентичностей, определяющих осмысление им его принадлежности к той или иной группе. Если затрагивать тему глобализации, то становится очевиден тот факт, что она формирует определенный образ некоего «универсального» человека, при этом частично размывает его идентификацию как члена определенной культурно-исторической общности. В сложившейся ситуации индивидууму просто необходимо обращаться к исторической памяти как транслятору ценностных ориентаций, традиций, культурного опыта и знания об исторических фактах, сохранения линейности исторических

процессов.

Как отмечает В.В. Лыкова [3; 4], для современного общества характерен хаос идентичностей, создаваемый динамизмом и нестабильностью современной жизни и манипулятивным влиянием СМИ, культуры, что стимулирует обращение к истории и усилению первичных идентичностей, т.е. устойчивых элементов культурных моделей, как правило, описываемых в качестве традиционных или традиционалистских. В условиях кризиса идентичностей становится важным переосмысление и переработка уже накопленного опыта. Стоит отметить, что если общество попадает в условия нестабильности, размытия идентичности, оно начинает обращаться к более ранним этапам истории с целью поиска необходимых образцов и моделей, а также стабилизации ситуации и объяснения событий современности. В периоды социальных потрясений или кризисов, когда происходит размытие идентичности, элита берет на себя задачу конструирования настоящего посредством обращения и переосмысления прошлого, зачастую определяя к какому конкретно прошлому опыту необходимо обратиться.

Историческая память играет важную роль в преодолении идентификационного кризиса, формировании идентичности. В условиях общественных и политических потрясений возникает тенденция обращения к историческому опыту как к источнику ориентиров, в том числе и с целью формирования прочного базиса для идентификации. Помимо того, что память о прошлом своей страны, народа, государства является основой для формирования чувства причастности, принадлежности к определенной культурно-исторической, этнической общности, она также служит ориентиром в условиях кризиса идентичности, но, однако, может стать и инструментом манипулирования.

Источники и литература

- 1) Ачкасов В. А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. Том II. Выпуск 1, 1999. С.45– 56
- 2) Васильев А.Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке / Отв. ред. Н.А.Кочеляева. – М., 2012
- 3) Лыкова В. В. Историческая память в современной России: проблемы трансформации // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. Курский гос. ун-т. № 2 (4), 2007 [электронный ресурс]. URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/sa27.pdf> (дата обращения 11.10.2014)
- 4) Лыкова В. В. Трансформация социальной памяти в модернизационных процессах современной России // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. Курский гос. ун-т. № 1 (17), 2011 [электронный ресурс]. URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/018-033.pdf> (дата обращения 11.10.2014)
- 5) Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния. // Новая и новейшая история. № 4, 2000. С. 3–14.